

ДЕТИ «ЛИШЕНЦЕВ» СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В БОРЬБЕ ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ (НА ПРИМЕРЕ РАЙОНОВ НОВОСИБИРСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

Статья посвящена не изученному в полной мере аспекту региональной общественно-политической истории, который связан с восстановлением советских граждан в избирательных правах. Акцент сделан на одной из самых массовых групп социально-дискриминированных, а именно на детях «лишенцев». Новизну исследования определило наличие исследовательских лакун, которое закрывается через обращение к неопубликованным источникам. Теоретическую основу исследования составило сочетание антропологического и системного подходов, статистического и биографического методов, а также стихийной социологической выборки. Это позволило достигнуть цели исследования реконструировать стратегии детей «лишенцев» при подаче ходатайств в избирательные комиссии.

Ключевые слова: советское общество, сталинизм, «лишенцы», социально-правовая дискриминация, маргинальность, молодежь, избирательное право.

Постановка проблемы. Конституция РСФСР 1918 г. стала важной вехой в истории раннего советского права, узаконив структуру государственного и социального устройства и утвердив представления большевиков о будущем страны. Это стало отправной точкой для самой массовой социально-правовой дискриминации в его истории. Лозунг «Не трудящийся да не ест» [1, с. 24], провозглашенный в 18 статье Конституции, имел глубокие и долговременные последствия для жизни тех, кто, по мнению советского руководства, не вписывался в состав «трудящихся». Перечень «неблагоприятных» лиц был отражен в 65-й статье Конституции в виде 7 категорий лиц, лишенных избирательных прав¹. Кроме того, статья 23 предусматривала возможность лишать избирательных прав лиц, использующих их «в ущерб интересам социалистической революции» [1, с. 24]. Широкие и неточные формулировки категорий «лишенцев» создавали условия для произвольного их толкования местными органами власти.

Правовой статус невозможно описать без упоминания множественных сопутствующих для «лишенцев» ограничений. Десятки дискриминаций в разных сферах, многие из которых не были законодательно установленными, создавали различные тяжелые условия в жизни «лишенцев». Число ограничений достигло максимума к концу 1920-х гг. Росло и число «лишенцев»: с 1 040 894 чел. в 1926 г. до 3 716 855 чел. в 1929 г. [2, с. 15]. Это связывалось и с ужесточением самой кампании, и с появлением

новых категорий (административно-ссылные, бывшие белые офицеры) [3–4].

Однако самый масштабный эффект на кампанию «лишенчества» оказало появление категорий членов семей лиц, лишенных избирательных прав. Впервые она появилась в 18 статье инструкции о выборах в Советы 1925 г., пункт «д» которой утверждал следующую формулу: «не считаются лишенными «члены семей лиц, лишенных избирательного права по п. п. «а», «б», «в» и «г» ст. 69 Конституции РСФСР 1925 г., если они материально не зависят от лиц, лишенных избирательных прав по своей профессии» [5]. Данная поправка фактически вносила стратификацию во внутрисемейные статусы родственников «лишенцев» (дети, супруги, внуки и др.), разделяя их по принципу зависимости от отсутствия или нахождения на иждивении у главы семьи. Учитывая многосемейный характер послереволюционной крестьянской семьи, когда под одной крышей могло уживаться несколько поколений, создается представление о масштабе вводимой выше дискриминации по наследственному признаку. Историк М. С. Саламатова отметила: «Категория членов семей, введенная инструкцией 1925 г., во второй половине 1920-х гг. в целом по стране и РСФСР оказалась самой многочисленной в группе сельских «лишенцев». Так, если в 1925–1926 гг. она составила 6,5 %, то в 1927 г. — 40,4, в 1929 г. — 47, в 1931 г. — 44,5 %» [6, с. 22].

В наиболее уязвимом положении оказывались сыновья и дочери «лишенцев», которые подверга-

лись наследственной дискриминации из-за статуса родителей. Историк А. Ю. Рожков в своей работе, посвященной жизненным мирам советской молодежи в 1920-х гг., выделял ряд последствий в повседневной жизни детей «лишенцев». Они могли подвергаться социальной изоляции в школе: «их не избирали в органы ученического самоуправления, не водили на групповые экскурсии, не позволяли им принимать участие в спортивных состязаниях» [7, с. 69]. Дискриминационный статус был и одной из причин девиаций молодежи.

Подросткам «лишенцам» были закрыты такие социальные лифты, как высшее образование и армия. Советская власть, провозгласившая равный доступ всех граждан к получению образования, рядом мер ограничила этот принцип. Приоритет при поступлении в вузы отдавался детям трудящихся или выпускникам рабфаков. В большинстве случаев образовательная дискриминация связывалась с произвольным толкованием положений избирательных инструкций местными органами власти. В целях предотвращения указанной практики Президиум ВЦИК 30 октября 1931 г. принял постановление «О запрещении государственным учреждениям требовать от граждан предоставления справки о наличии избирательных прав» [8, л. 175]. В указанном документе помимо прочих отмечались случаи, когда при поступлении в учебные заведения с абитуриентов требовали документы об их избирательном статусе и принимали решение, основываясь на наличии или отсутствии избирательных прав.

Запрет службы в Красной Армии являлся, в отличие от образовательной дискриминации, наиболее законодательно подкрепленным ограничением в жизни «лишенцев» и было впервые зафиксировано в Декрете СНК «О тыловом ополчении» спустя десять дней после принятия Конституции РСФСР 1918 г.: «Все граждане, не подлежащие призыву в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию, в возрасте от 18 до 45 лет, подлежат призыву в тыловое ополчение» [9]. Лиц, лишенных избирательных прав, запрещалось зачислять в Красную Армию, поэтому, как следует из приведенной выдержки, на них возлагалась обязанность службы в специальных трудовых отрядах. Д. Д. Миненков отметил прямую зависимость идеи осуществления политики всеобщей трудовой политики с практикой создания тыловых ополчений [6, с. 10]. Большевики, нуждавшиеся в рабочей силе в условиях Гражданской войны, привлекали лиц, включенных в дискриминационные списки, к обслуживанию нужд Красной Армии в тылу, а после этого — к восстановлению разрушенного народного хозяйства [6, с. 13]. Первая статья «Закона об обязательной военной службе», принятого 18 сентября 1925 г., закрепляла принцип исключения возможности службы в Красной Армии для «лишенцев», заменяя ее «иными военными обязанностями» [10]. Лица, составлявшие тыловое ополчение, подвергались дополнительным ограничениям² и были лишены льгот, имевшихся у красноармейцев.

Ряд одновременно действовавших для «лишенческой» молодежи ограничений создавал вокруг нее атмосферу отчужденности, порождая настойчивое стремление восстановиться в избирательных правах. В настоящей статье анализируются стратегия детей «лишенцев» путем анализа поданных ими в избиркомы ходатайств о восстановлении в избирательных правах. Выбор аргументации в ходатайствах являлся личным выбором их авторов, поэтому,

на наш взгляд, для реконструкции процедуры восстановления в правах важно учитывать то, какую стратегию определяли авторы обращений, и могла ли она влиять на принятие окончательного решения о восстановлении в правах.

Основная часть. На протяжении почти четырех лет в советском законодательстве не существовало отдельных процедурных правил для восстановления в правах детей «лишенцев». С 1925 по 1930 гг. они восстанавливались в правах на общих с другими категориями условиях. Так, в избирательной инструкции 1925 г. фиксировался следующий порядок восстановления. «Лишенцы», желающие обрести права, должны были предоставить удостоверения о занимаемой должности и удостоверение совета или административных органов с информацией о том, что «указанные лица в настоящее время живут на средства, добываемые личным трудом, и не эксплуатируют чужого труда» [12]. По Инструкции 1926 г. «лишенцам», желавшим добиться восстановления в избирательных правах, достаточно было прекратить прежнюю деятельность, теперь необходимым условием снятия дискриминации становилось наличие 5-летнего занятия «производительным или общественно-полезным трудом» [13].

Постановление «Об устранении нарушений законодательства СССР» от 22 марта 1930 г. [14] создало для детей «лишенцев» отдельные правила для восстановления. Так, восстановиться в правах могли те, кто в 1925 г. достиг совершеннолетия и порвал всю связь с родителями. Ряд постановлений в дальнейшем дополнил этот пункт, но важным постановлением для детей «лишенцев» оказалось постановление Президиума ЦИК СССР «О порядке восстановления в избирательных правах детей кулаков» от 17 марта 1933. Это постановление утверждало следующий принцип: «Дети высланных кулаков, как находящиеся в местах ссылки, так и вне ее, и достигшие совершеннолетия, восстанавливаются в избирательных правах районными исполкомами по месту их жительства при условии, если они занимаются общественно полезным трудом и добросовестно работают» [15]. Автоматически это правило распространялось на всех детей «лишенцев» вне зависимости от ссылки родителя.

В итоге молодые люди, имевшие статус «лишенца» в связи с нахождением на иждивении родителей, лишенных избирательных прав, для восстановления в избирательных правах должны были подать ходатайство в избирательные комиссии и доказать, во-первых, разрыв связи с родителями-лишенцами, а во-вторых, продемонстрировать лояльность советской власти в виде выполнения общественно-полезной работы.

Источниковую базу исследования составили личные дела «лишенцев» нескольких сельских районов, некогда входивших в состав Западной Сибири. Выбор для исследования именно сельских «лишенцев» не случаен. Крестьянская многодетная семья дает большой объем информации для исследования дискриминационной практики «лишенчества». Личные дела сельских «лишенцев» нередко превращались в многостраничные характеристики и справки на каждого члена семьи. В городах же, напротив, личные дела чаще представлены индивидуальными документами «лишенцев». Таким образом, ходатайства детей «лишенцев» представлены наиболее полно именно в фондах сельских районов.

Хронологические рамки исследования — период с появления категории членов семей лиц, лишенных избирательных прав, в 1925 г. до отмены категорией «лишенцев» в 1936 г. Имеет значение и то, что с началом ужесточения кампании «лишенчества» во второй половине 1920-х гг. усилился и поток подаваемых ходатайств в избирательные комиссии разных уровней.

Массив сведений для исследования был получен методом стихийной социологической выборки (что не подразумевает пол, возраст, социальный класс), что рационально использовать при разрозненном хранении массовых источников. Но следует учесть, что наш массив сведений — «выборка из выборки», поскольку местные комиссии составляли личные дела не на всех «лишенцев», а лишь на тех, кто подавал ходатайства о восстановлении. Итоговая исследовательская выборка включает в себя:

— 132 «лишенца» Искитимского района, или 16,7 % от общего количества личных дел «лишенцев» (790), представленных в фонде Исполнительного комитета Искитимского районного Совета депутатов трудящихся в Государственном архиве Новосибирской области (далее — ГАНО) [16];

— 113 «лишенцев» Кожевниковского района, или 16 % от общего количества личных дел «лишенцев» (707), представленных в фонде Исполнительного комитета Кожевниковского районного совета депутатов трудящихся в Государственном архиве Томской области (далее — ГАТО) [17];

— 103 «лишенец» Колпашевского района, или 18,5 % от общего количества личных дел «лишенцев» (557), представленных в фонде Исполнительного комитета Колпашевского районного совета депутатов трудящихся в ГАТО [18];

— 171 «лишенец» Маслянинского района, или 17,2 % от общего количества личных дел «лишенцев» (992), представленных в фонде Исполнительного комитета Маслянинского районного Совета депутатов трудящихся в ГАНО [19].

Выбор указанных районов обусловлен рядом причин: во-первых, доступностью архивных ис-

точников, поскольку ходатайства в фондах указанных районов представлено наиболее полно и в лучшей сохранности, по сравнению с другими районами края. Во-вторых, интерес представляет социальный состав указанных районов — с одной стороны, они представляют собой типичные сельскохозяйственные районы с преобладанием аграрного сектора в экономике, что нашло отражение в структуре их населения, представленных в основном крестьянами. С другой стороны, особенно в 1930-е гг., в связи с политикой государства в деревне и индустриализацией региона существенно расширяется прослойка рабочих, занятых на производстве и шахтах.

Дети «лишенцев» были массово представлены в личных делах указанных районов, составляя большой процент от общего количества «лишенцев» (табл. 1). В сельских районах часто использовалась практика включения в списки «лишенцев» их детей. Наибольший процент в выборке составили дети «лишенцы» Маслянинского района (36,8 %), остальные районы представлены в примерно равной пропорции в реализации данной дискриминационной практики (17,5 %, 19,7 %, 21,2 % в Колпашевском, Кожевниковском и Искитимском районах соответственно).

Обращает на себя внимание, что дети в процентном соотношении занимали больше чем половину от общего числа лиц категории членов семей «лишенцев» (табл. 2). Так, дети составляли 51 %, 54,5 %, 58,5 % и 70,8 % в Искитимском, Колпашевском, Кожевниковском и Маслянинском районах соответственно, и это свидетельствует о том, что практика лишения избирательных прав иждивенцев, введенная в 1925 г., распространялась в первую очередь на молодых «лишенцев», находившихся на попечении своих родителей. Увеличенный процент детей «лишенцев» в Маслянинском районе объясняется, прежде всего, характерной чертой местных органов власти в указанном районе при ведении делопроизводства. Руководители Маслянинского райисполкома в целях упрощения и структуризации механизма

Таблица 1

Дети «лишенцев» в общем числе лиц,
лишенных избирательных прав в выборке по районам (чел., %)

Район	Кол-во «лишенцев» в выборке	Кол-во детей «лишенцев» в выборке	Процент детей «лишенцев» от общего числа «лишенцев» в районе
Искитимский	132	26	19,7 %
Кожевниковский	113	24	21,2 %
Колпашевский	103	18	17,5 %
Маслянинский	171	63	36,8 %

Таблица 2

Дети «лишенцев» в категории членов семей лиц,
лишенных избирательных прав в выборке по районам (чел., %)

Район	Кол-во членов семей «лишенцев» в выборке	Кол-во детей «лишенцев» в выборке	Процент детей «лишенцев» от общего числа «лишенцев» в районе
Искитимский	51	26	51 %
Кожевниковский	41	24	58,5 %
Колпашевский	33	18	54,5 %
Маслянинский	89	63	70,8 %

Стратегии детей «лишенцев» сельских районов Западной Сибири при подаче ходатайств о восстановлении в избирательных правах (1925–1936 гг.) (чел.)

№	Описание стратегии	Искитимский район	Кожевниковский район	Колпашевский район	Маслянинский район
1	Соглашались с лишением прав родителей, но не себя	11	15	14	40
2	Не соглашались с лишением прав себя и оправдывали родителей. Добивались только своего восстановления	2	4	3	5
3	Не соглашались с лишением прав себя и родителей. Добивались восстановления всей семьи	7	3	1	4
4	Считали лишение себя и родителей законными	6	2	0	14
ВСЕГО		26	24	18	63

составления личных дел чаще других стремились объединять ходатайства от «лишенцев» из одной семьи в одно дело, поэтому в выборке Маслянинского района наиболее ярко отразились традиционные многодетные крестьянские семьи.

Мотивация в любом ходатайстве определялась тем, согласен ли был автор с включением себя в список «лишенцев». Специфика ходатайств детей заключалась в описании связи с деятельностью родителей, которая и привела к дискриминации (использование наемной силы, сдача в аренду сельскохозяйственных машин, частная торговля, религиозная служба и пр.). Анализ ходатайств детей «лишенцев» позволил выделить четыре пункта данных заявителей в зависимости от применяемых ими стратегий при апелляции к власти (табл. 3).

Из табл. 3 следует, что самой распространенной стратегией в ходатайствах детей «лишенцев» являлось отрицание связи со своими родителями. Одним из главных аргументов для них являлся несовершеннолетний возраст на момент лишения прав родителей. «Лишенцы» первой группы ссылались на установки советской власти об отрыве молодежи от негативного влияния неблагонадежных родителей. Они писали, что по причине малолетства не имели «никакого понятия о хозяйстве, что такое хозяйство, и что оно из себя представляло» [20, л. 5]. В своих ходатайствах эти «лишенцы» чаще других писали о прекращении связей с родителями, об отдельном хозяйстве, подчеркивая, что разрыв произошел раньше включения в дискриминационные списки родителей. Так, например, М. И. Шатров писал в собственной жалобе следующее: «лишен я был избирательных прав как член семьи отца-кулака Шатрова Ивана, за проживание с ним до 1930 г. когда отец еще кулаком не был (отец окулачен весной 1933 г.). С 1930 г. с отцом я никакой связи не имею» [21, л. 33].

Понимая, что разрыв с родителями после дискриминации вызовет подозрения со стороны избирательных комиссий, дети «лишенцев» подчеркивали, что делали это не с корыстными целями, а для того, чтобы показать несогласие с действиями своих попечителей: «раздельный акт прошу считать действительным ибо раздел имущества сотцом ниемел никакой умышленой цели для раздробления хо-

зяйства а вызван семейной необходимостью» [22, л. 31–31 об.] (Здесь и далее сохранены орфография, пунктуация и стилистические особенности первоисточника. — А. К.).

Дети первой группы не только не защищали своих родителей, но и с помощью ярких языковых подчеркиваний демонстрировали разрыв с последними. И. Н. Краснов (Манохин) в своем ходатайстве написал: «правильно мой отец был сужден. В 1926 г. и приговорен к 7 годам лишения свободы. Связи я с ним с того времени ни какой не имею и даже он мне не известен с того время как его взяли» [23, л. 17–19]. Отец Д. Л. Коренькова был лишен прав за наем рабочей силы, сын же находил распространение характеристики «эксплуататора» на себя оскорбительным: «якобы я нахожус[ь] на иждивении моего отца и такое отношения меня оскорбляет, в том что как будто я в 22[летне]м возрасте не имею возможность к физическому труду» [24, л. 11]. Сын «эксплуататора наемной силы» Панов В. И. также эмоционально реагировал на лишение избирательных прав и связь с отцом: «слишком больно сознавать, что за своих родителей я должен страдать и мучиться» [25, л. 31–31а].

«Лишенцы» второй группы считали свое лишение незаконным и «неверным». В ходатайствах они могли оправдывать своих родителей и показывать их с лучшей стороны. «лишенцы» данной группы считали, что по причине малолетства не должны были быть лишены избирательных прав, но в защиту своих родителей приводят различные аргументы: отсутствие сельскохозяйственных машин и наемного труда или использование его только в случаях крайней необходимости. Однако важным отличием от следующей (третьей группы) является то, что стремились они к восстановлению в правах не родителей, а только себя. Г. В. Мячин в заявлении в Вороновский райисполком³ писал: «формально и по существу я в частности, и наша семья не имела ни каких оснований к лишению нас прав голоса» [26, л. 24]. Однако в этом же ходатайстве просил только собственного восстановления в избирательных правах [26, л. 24 об.]. Повторное ходатайство Мячина подтверждало указанную стратегию [26, л. 33].

Третья группа представлена «лишенцами», в чьих ходатайствах отражается верность своим ро-

Восстановление детей «лишенцев» выборки в избирательных правах (чел., %)

Район	Количество детей «лишенцев» в выборке	Количество восстановленных детей «лишенцев»	Процент восстановленных детей «лишенцев»
Искитимский	26	11	42,3 %
Кожевниковский	24	8	33,3 %
Колпашевский	18	7	38,9 %
Маслянинский	63	9	14,3 %
ВСЕГО	131	35	26,7 %

дителям: они считали, что последних лишили прав незаконно и всячески оправдывали их. Они писали жизнеописания своих родителей, чтобы показать, что те вели честную жизнь. Эта группа «лишенцев» считает, что они и их родители были лишены незаконно «по личным счетам», «по ложным материалам» и т.д. Так, И. В. Елькин в своем ходатайстве отрицал принадлежность отца к «эксплуататорам» и писал, что сельский Совет за наемных рабочих принял сожительницу брата и племянника [27, л. 11]. И. С. Евсеев, сын торговца и «эксплуататора наемного труда», отрицал обвинения против отца и явно не отделял себя от хозяйства родителя: «но нужно сказать, хотя наше хозяйство было и жилищное, но мы не применяли наемного труда, а своими силами вели свое трудовое хозяйство» [28, л. 25].

С одной стороны, выбор указанной стратегии не случаен. Дети могли рассчитывать на исключение из дискриминационных списков после восстановления родителей, стараясь создавать благоприятный образ последних в апелляциях. С другой стороны, «лишенцы» могли искренне считать такую стратегию недостойной собственной семьи и добавились восстановления для всех. Малочисленность использования данной стратегии показывает, что «лишенцы» редко стремились показать связь с родителями, боясь дальнейшей дискриминации, предпочитая использовать стратегии, указанные нами выше.

Дети-«лишенцы» четвертой группы считали лишение прав себя и родителей законным. Вместе с этим они стремились добиться восстановления в избирательных правах, отразив в своих ходатайствах личное добросовестное отношение к советской власти. В отличие от других групп ее представители не спорили с решением избирательной комиссии, у них были иные аргументы: служба в тыловом ополчении, общественные работы, трудовые премии и поощрения и пр. Интерес представляет случай семьи Ковалевых. Две сестры и брат, лишённые избирательных прав вместе с главой семьи, обратились в избирательную комиссию, чтобы добиться восстановления, и их основной тактикой была опора на будущее и собственные заслуги. А. М. Ковалева писала: «я в настоящее время ополитарилась на 100 % и желаю при восстановлении в правах вступить в колхоз и работать по-стахановски» [29, л. 2]. Характерно, что ее брат и сестра также использовали такие фразы в ходатайствах [29, л. 3; л. 5].

Разделение детей «лишенцев» на указанные выше группы носит условный характер, поскольку так или иначе все дети «лишенцев» стремились добиться своего восстановления в правах, поэтому

подбирали те аргументы, которые помогли бы им в этом. Тем не менее приведенные нами данные отражают прямую степень воздействия социально-правовой дискриминации на институт семьи. Большинство детей-«лишенцев», стремясь восстановиться в избирательных правах, выбирали путь отказа от семьи, ведь только такой способ, по их мнению, мог сделать возможным их нахождение в советском социуме.

Кроме того, дети «лишенцев» нередко использовали вместе с одной из упомянутых стратегий аргументацию демонстрации лояльности советской власти. Приведем лишь некоторые цитаты, в которых подчеркивалось отношение детей «лишенцев» к советскому государству: «социалистически перевоспитался не хочу быть противником нашему социалистическому строительству» [30, л. 45 об.], «работая честно, точно как требует партия большевиков, и еще больше буду стараться работать и хочу быть строительницей социализма нашей советской страны» [31, л. 9], «вредительством не занимался, шел на встречу государству» [32, л. 8 об.], «я в призывном возрасте и хочу поступить в ряды Красной Армии для того, чтобы на деле доказать свое сочувствие строительству социализма» [33, л. 9 об.]. Нередко «лишенцы» старались «переакцентировать» внимание избирательных комиссий на собственные трудовые заслуги. Так, В. И. Дягилев центральной темой собственного ходатайства выбрал работу в Агролесе: «за свою добросовестную работу при Краевом Питомнике был выдвинут в 1934 г. в качества бригадира. И осенью 1934 г. был премирован и проведен в ударники в 1933 г. тоже был премирован и 1935 г.» [34, л. 2–3].

В нашей выборке восстановления в избирательных правах достигло 35 «лишенцев», или 26,7 % от общего количества детей «лишенцев» в выборке (табл. 4). Но вопрос об успешности той или иной стратегии, употребляемой в ходатайствах «лишенцев», является сложным. Во-первых, на принятие решения о восстановлении в правах влияло множество факторов: документально подтвержденные аргументы «лишенцев», приоритеты государственной социальной политики и эффективность разбора ходатайств «лишенцев» местными органами власти. Во-вторых, делопроизводство советов и избирательных комиссий являлось хаотичным, не всегда их решения содержали обоснования восстановления в правах, что не дает нам возможность с точностью говорить об эффективности стратегий «лишенцев». В случаях, когда избирательные комиссии указывали причину восстановления, они ссылались на разрыв с семьей и трудовые заслуги перед государством: «[ранее] находился на иждивении отца

и работает в настоящее время общепольным трудом. Социально элемент неопасный» [35, л. 7], «принимая внимание, что Бархатов лишен как иждивенец, занимается общественно-полезным трудом, руководствуясь ст. 38 Инструкции ВЦИК в ходатайстве удовлетворить, т.е. в избирательных правах восстановить» [36, л. 2].

Выводы и дискуссия. Следует согласиться с М. С. Саламатовой, исследовавшей категории городских «лишенцев»: «Гуманная по тем временам мера преследовала, однако, сугубо прагматическую цель — внести раскол между поколениями. Большевики, считая, что старшее поколение перевоспитать уже не удастся, давали шанс молодежи. В результате многие дети «лишенцев» в Новосибирске постарались разорвать все отношения и связи с родителями» [37, с. 15]. Это подтверждают аналогичные примеры, связанные с Западной Сибирью, в частности — с Омском [38, с. 1248]. Прямым следствием кампании «лишенчества» являлось разрушение института семьи. Тем более это справедливо в отношении семей сельских «лишенцев», детям которых предстояло совершать трудный моральный выбор: сохранить верность родителям либо отречься от них, но взамен перестать считаться «чуждым элементом» в раннем советском социуме. В своей основе случаи лишения прав детей часто представлялись абсурдными. Они должны были оправдываться за «деяния» родителей, находясь в детском и подростковом возрасте в момент лишения отца и матери избирательных прав. С позиции же институтов власти «лишенчество» выполняло важную функцию, реальной целью которой выступало устрашение одних и дисциплинарное воспитание других членов постреволюционного общества. С одной стороны, сопутствующие ограничения, безнаказанность местных избирательных комиссий, моральная сторона наличия дискриминационного статуса вынуждали «лишенцев» усваивать социальные нормы, декларируемые советским руководством. С другой стороны, десятки сопутствующих ограничений и тяжесть статуса «лишенца» принуждали молодое поколение к отклоняющемуся и девиационному поведению.

Примечания

¹ В 65 статье Конституции РСФСР 1918 г. были указаны следующие категории лиц, лишенных права принимать участие в выборах: «а) лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; б) лица, живущие на нетрудовой доход, как-то: проценты с капитала, доходы с предприятий, поступления с имущества и т. п.; в) частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; г) монахи и духовные служители церквей и религиозных культов; д) служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений, а также члены царствовавшего в России дома; е) лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоящие под опекой; ж) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором». См.: Конституция (Основной закон) РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов в заседании 10 июля 1918 г. [1, с. 24].

² Так, с 1925 г. лица, зачисленные в ряды тылового ополчения, обязаны были ежегодно выплачивать специальный военный налог [11].

³ До 1930 г. Вороновский район являлся отдельной административной единицей. 20 июня 1930 г. был упразднен и вошел в состав вновь созданного Кожевниковского района.

Список источников

1. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918–1937). Москва: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. 298 с.
2. Красильников С. А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917–конец 1930-х годов). Новосибирск: [б. и.], 1998. 91 с.
3. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1922. № 51. Ст. 646.
4. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II, Ст. 15, п. «к».
5. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1925. № 79. Ст. 603.
6. Красильников С. А., Пыстина Л. И., Саламатова М. С. [и др.]. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы) / отв. ред. С. А. Красильников. 2-е изд. Новосибирск: ИД Сова, 2007. 551 с.
7. Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-1347. Оп. 1а. Д. 2425.
9. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1917–1918. № 54. Ст. 604.
10. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Москва, 1925. № 62. Ст. 463.
11. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Москва, 1925. № 76. Ст. 76.
12. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1925. № 79. Ст. 603. Гл. III, ст. 17.
13. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1926. № 75. Ст. 577. Гл. II, ст. 19.
14. Собрание узаконений и постановлений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. Москва, 1930. № 19. Ст. 212.
15. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. Москва, 1931. № 44. Ст. 117.
16. ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Исполнительный комитет Искитимского районного Совета депутатов трудящихся.
17. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-791. Оп. 1. Кожевниковский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет.
18. ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Колпашевский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет.
19. ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Исполнительный комитет Маслянинского районного Совета депутатов трудящихся.
20. ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 414.
21. ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 299.
22. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 100.
23. ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 386.
24. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 42.
25. ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 316.
26. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 184.
27. ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 220.
28. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 72.
29. ГАТО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 414.
30. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 102.
31. ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 296.
32. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 6.
33. ГАТО. Ф. Р-641. Оп. 3. Д. 309.
34. ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 218.
35. ГАТО. Ф. Р-791. Оп. 1. Д. 44.
36. ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 41.
37. Саламатова М. С. Лишение избирательных прав в Новосибирске в 1927–1936 гг. // Корни травы: сб. ст. молодых историков. Москва: Звенья, 1996. С. 9–23.

38. Петин Д. И. «Вполне подчинялся требованиям властей и условиям ...». Вехи биографии военного юриста генерал-майора Н. М. Сеницкого // Вестник архивиста. 2020. № 4. С. 1241 – 1254. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-4-1241-1254. EDN: NTUFQY.

КОЖАЕВА Альбина Алексеевна, аспирант кафедры отечественной истории, ассистент кафедры истории культуры и искусств Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета, г. Новосибирск.

SPIN-код: 4796-4965

AuthorID (РИНЦ): 1116041

ORCID: 0000-0003-2745-1365

ResearcherID: JJE-7957-2023

Адрес для переписки: a.kozhaeva18@mail.ru

Для цитирования

Кожеева А. А. Дети «лишенцев» сельских районов Западной Сибири в борьбе за восстановление в избирательных правах (на примере районов Новосибирской и Томской областей) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2025. Т. 10, № 2. С. 58 – 66. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-58-66. EDN: WUOSMZ.

Статья поступила в редакцию 07.11.2024 г.

© А. А. Кожеева

CHILDREN OF PERSONS DEPRIVED OF VOTING RIGHTS IN RURAL AREAS OF WESTERN SIBERIA DURING THE PROCESS OF RESTORING VOTING RIGHTS (ON THE EXAMPLE OF THE DISTRICTS OF NOVOSIBIRSK AND TOMSK REGIONS)

The Constitution of the Russian Soviet Federative Socialist Republic adopted on July 10, 1918 at the V All-Russian Congress of Soviets, defined seven categories of persons who were denied voting rights. Over time, however, the campaign of deprivation of voting right became more stringent and expanded due to the appearance of new categories. This article focuses on the analysis of petitions for the restoration of rights for one of the most prevalent groups of socially disadvantaged people, namely, the children of individuals denied voting rights. The study uses archival documents from four rural regions in Western Siberia as a basis. Using a range of ego documents, the strategies employed by children of the persons deprived of voting rights in their petitions. These strategies can be divided into four groups based on their approach: 1) children who refused to communicate with their parents; 2) children who justified their parents' actions but don't support them; 3) children who actively defended their parents; 4) children who considered discrimination against their entire family to be justified. The author of the article highlights the significant role of labor descriptions and loyalty demonstrations towards the Soviet government in petitions submitted by children of persons deprived of voting rights.

Keywords: Soviet society, Stalinism, persons deprived of voting rights, social and legal discrimination, marginality, youth, suffrage.

References

1. Konstitutsii i konstitutsionnyye akty RSFSR (1918–1937) [Constitutions and Constitutional Acts of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (1918–1937)]. Moscow, 1940. 298 p. (In Russ.).
2. Krasil'nikov S. A. Na izlomakh sotsial'noy struktury: marginaly v poslerevolutsionnom rossiyskom obshchestve (1917–konets 1930-kh godov) [On the fractures of the social structure: marginals in post-revolutionary Russian society (1917–late 1930s)]. Novosibirsk, 1998. 91 p. (In Russ.).
3. Sobraniye uzakoneniye i postanovleniye rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1922. No. 51. Art. 646. (In Russ.).
4. Sobraniye uzakoneniye i postanovleniye rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1926. No. 75. Art. 577. Ch. II, Art. 15, point «к». (In Russ.).
5. Sobraniye uzakoneniye i postanovleniye rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1925. No. 79. Art. 603. (In Russ.).
6. Krasilnikov S. A., Pystina L. I., Salamatova M. S. [et al.]. Marginaly v sotsiume. Marginaly kak sotsium. Sibir' (1920–1930-e gody) [Marginals in society. Marginals as a society. Siberia 1920–1930s] / ed. by S. A. Krasilnikov. Moscow, 2007. 551 p. (In Russ.).
7. Rozhkov A. Yu. V krugu sverstnikov: Zhiznenny mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-kh godov [In the circle of peers: the life of a young man in Soviet Russia of the 1920s]. Moscow, 2014. 640 p. (In Russ.).
8. Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk region (SANR)]. File: R-1347/1a/2425. (In Russ.).
9. Sobraniye uzakoneniye i postanovleniye rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1917–1918. No. 54. Art. 604. (In Russ.).
10. Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow, 1925. No. 62. Art. 463. (In Russ.).
11. Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow, 1925. No. 76. Art. 76. (In Russ.).

12. Sobraniye uzakoneniy i postanovleniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1925. No. 79. Art. 603. Ch. III, Art. 17. (In Russ.).

13. Sobraniye uzakoneniy i postanovleniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1926. No. 75. Art. 577. Ch. II, Art. 19. (In Russ.).

14. Sobraniye uzakoneniy i postanovleniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva RSFSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. Moscow, 1930. No. 19. Art. 212. (In Russ.).

15. Sobraniye zakonov i rasporyazheniy Raboche-Krest'yanskogo Pravitel'stva SSSR [Collection of laws and regulations of the Workers' and Peasants' Government of the Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow, 1931. No. 44. Art. 117. (In Russ.).

16. GANO [SANR]. File: R-437/1. Ispolnitel'nyy komitet Iskitimskogo rayonnogo Soveta deputatov trudyashchikhsya (Executive Committee of the Iskitimsky District Council of Workers Deputies). (In Russ.).

17. Gosudarstvennyy arkhiv Tomskoy oblasti (GATO) [State Archive of the Tomsk Region (SATR)]. File: R-791/1. Kozhevnikovskiy rayonnyy sovet deputatov trudyashchikhsya i ego ispolnitel'nyy komitet (Kozhevnikovskiy District Council of Workers' Deputies and its Executive Committee). (In Russ.).

18. GATO [SATR]. File: R-641/3. Kolpashevskiy rayonnyy sovet deputatov trudyashchikhsya i ego ispolnitel'nyy komitet (Kolpashevskiy District Council of Workers' Deputies and its Executive Committee). (In Russ.).

19. GANO [SANR]. File: R-449/1. Ispolnitel'nyy komitet Maslyaninskogo rayonnogo Soveta deputatov trudyashchikhsya (Executive Committee of the Maslyaninskiy District Council of Workers' Deputies). (In Russ.).

20. GANO [SANR]. File: R-449/1/414. (In Russ.).

21. GATO [SATR]. File: R-641/3/299. (In Russ.).

22. GATO [SATR]. File: R-791/1/100. (In Russ.).

23. GANO [SANR]. File: R-437/1/386. (In Russ.).

24. GATO [SATR]. File: R-791/1/42. (In Russ.).

25. GATO [SATR]. File: R-641/3/316. (In Russ.).

26. GATO [SATR]. File: R-791/1/184. (In Russ.).

27. GANO [SANR]. File: R-437/1/220. (In Russ.).

28. GATO [SATR]. File: R-791/1/72. (In Russ.).

29. GATO [SATR]. File: R-791/1/414. (In Russ.).

30. GATO [SATR]. File: R-791/1/102. (In Russ.).

31. GATO [SATR]. File: R-641/3/296. (In Russ.).

32. GATO [SATR]. File: R-791/1/6. (In Russ.).

33. GATO [SATR]. File: R-641/3/309. (In Russ.).

34. GANO [SANR]. File: R-437/1/218. (In Russ.).

35. GATO [SATR]. File: R-791/1/44. (In Russ.).

36. GANO [SANR]. File: R-437/1/41. (In Russ.).

37. Salamatova M. S. Lisheniye izbiratel'nykh prav v Novosibirsk v 1927–1936 gg. [Deprivation of voting rights in Novosibirsk in 1927–1936] // Kornj travy [The Grass Roots]. Moscow, 1996. P. 9–23. (In Russ.).

38. Petin D. I. «Vpolne podchinyalsya trebovaniyam vlastey i usloviyam...». Vekhi biografii voyennogo yurista general-mayora N. M. Senitskogo [«Pretty much obeyed all requirements of the authorities and the circumstances...»: milestones in the biography of the law officer, general-major N. M. Senitsky]. Vestnik arkhivista. *Herald of an Archivist*. 2020. No. 4. P. 1241–1254. DOI: 10.28995/2073-0101-2020-4-1241-1254. EDN: NTUFQY. (In Russ.).

KOZHAEVA Albina Alekseevna, Graduate Student of the National History Department, Assistant of the History, Culture and Arts Department of the Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, Novosibirsk.

SPIN-code: 4796-4965

AuthorID (RSCI): 1116041

ORCID: 0000-0003-2745-1365

ResearcherID: JJE-7957-2023

Correspondence address: a.kozhaeva18@mail.ru

For citations

Kozhaeva A. A. Children of persons deprived of voting rights in rural areas of Western Siberia during the process of restoring voting rights (on the example of the districts of Novosibirsk and Tomsk regions). *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2025. Vol. 10, no. 2. P. 58–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2025-10-2-58-66. EDN: WUOSMZ.

Received November 07, 2024.

© A. A. Kozhaeva